

НОВОЕ ПОНИМАНИЕ ФУНКЦИЙ ЮРИДИЧЕСКИХ ФАКТОВ НА ПРИМЕРЕ РИМСКОГО И СОВРЕМЕННОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА*

*А.А. ШАФАЛОВИЧ, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права
Белорусского государственного экономического университета©*

В статье на основе сравнения римского и современного знания о юридических фактах, на основе анализа соответствующего белорусского и российского законодательства рассматривается вопрос о функциях юридических фактов в праве. Помимо основной функции юридических фактов – двигать правоотношение и влечь правовое следствие – автор выявляет и обосновывает новые для правовой науки функции юридических фактов, а именно правообразующую и системообразующую. В свете новых наработок в области теории юридических фактов выявляются новые аспекты их основной функции и предлагается первое для правовой науки определение движению правоотношения. Автор уверенно и успешно доказывает перспективность данного нового направления исследования юридических фактов в силу положительного вклада в решение сложнейших для правовой науки проблем правообразования и оптимизации правового регулирования общественных отношений.

Функции юридических фактов не получили должного освещения в правовой науке, хотя именно они указывают на роль юридических фактов в механизме правового действия. Из дефиниции юридических фактов вытекает их основная функция – производство правового следствия, как основная цель движения правоотношения. Последние исследования юридических фактов открывают новые аспекты понимания их основной функции, а также выявляют ранее неизвестные для правоведения функции.

В юриспруденции нет единого понимания движения правоотношения. Ф.К. Савиньи, впервые давший определение юридическим фактам, отметил только два момента в движении правоотношения: возникновение или окончание правоотношений [1, с.421]. Современная правовая доктрина традиционно выделяет правоустанавливающие, правоизменяющие и правопрекращающие юридические факты. Некоторые правоведы, помимо возникновения, изменения и прекращения правоотношения, выделяли также перенесение и сохранение права [2, с.151] (аналогично позиции римских юристов – D.1,3,41) или существование правоотношений [3, с.358].

С учетом всех производимых юридическим фактом воздействий на правоотношение, предлагаем расширительное понимание движения правоотношения: «Движение правоотношения есть любое воздействие юридическим фактом на

правоотношение». Это – впервые предложенное определение движения правоотношения, чьи основные моменты в силу отсутствия такого определения ранее закреплялись в дефинициях юридических фактов, хотя данный термин довольно распространен в юриспруденции. Новое понимание движения правоотношения охватывает также правопрепятствующие, правовосстанавливающие, приостанавливающие факты, факты с предварительным правовым эффектом или ретроактивные. Перечисленные юридические факты ранее рассматривались вне движения правоотношения, в то время как очевидна их прямая связь с последним. Отметим, что само определение юридических фактов возникло из практической необходимости охватить одним понятием все основания движения правоотношения. Поэтому естественным является именно расширительное понимание движения правоотношения.

Для практики преимущество расширительного подхода заключается в возможности более справедливой оценки фактических обстоятельств дела. Для науки расширительное понимание полезно тем, что позволяет добиться полноты юридического знания и отразить общие моменты изучаемых явлений в разных правовых системах различных исторических периодов. При этом, не опровергая множество имеющихся более узких определений, отражающих различные отдельные конкретно-исторические или национальные

* Статья поступила в редакцию 21 марта 2007 года.

характеристики или даже авторские особенности понимания определяемого явления.

Характерным римским видом правоустанавливающих фактов являются иски. Соответственно основанию они делились на «*actiones vulgares*» (D.28,5,46) и «*actiones in factum*» (иски, составленные по факту в D.43,18,1,3). В противовес первым «*actiones in factum*» – иски, основанные на магистратском праве, когда «*ius civile*» не предусматривались правовые нормы, и претор основывал иск непосредственно на факте. Это ведет к выводу о целесообразности различения фактов правоустанавливающих (правоизменяющих, правопрекращающих) «де-юре» и «де-факто». Первые в римском праве соотносятся с «*actiones vulgares*» и с фактами из правовых норм, вторые – с «*actiones in factum*» и фактами, устанавливаемыми (изменяющими, прекращающими) право благодаря иным средствам преторской защиты и толковательной деятельности юристов. В современном праве к правоустанавливающим (правоизменяющим, правопрекращающим) «де-юре» относимы факты, прямо предусмотренные правовой нормой. Устанавливающие (изменяющие, прекращающие) право «де-факто» охватываются расширительным пониманием юридического факта и производят эффект при аналогии в судебном процессе, где роль судьи сравнима с ролью претора. Такая защита «де-факто», согласно статье 7 Гражданского кодекса (далее – ГК) Республики Беларусь, закреплена законодательно.

А. Бурдезе основное отличие римского частного права от современного видел в «очень ограниченной концептуальной индивидуализации оснований для движения правоотношения» у римлян [4, с.182–183]. Вместе с тем, по мнению Е.А. Суханова и Л.Л. Кофанова, действующий ГК Российской Федерации «почти текстуально воспроизвел положения и основания возникновения частной собственности, признанные в римском частном праве» [5, с.12], что подтверждается хотя бы названиями титулов первых десяти книг Дигест. Кроме того, толкование статьи 7 ГК Республики Беларусь и статьи 8 ГК Российской Федерации также не устанавливает единых оснований прекращения всех гражданских правоотношений. С учетом этого высказывание А. Бурдезе применимо и к современному праву.

Таким образом, расширительное понимание движения правоотношения фактически закреплено в действующем законодательстве, а предложенное выше определение движения правоотношения согласовывает позицию правовой доктрины с позицией законодателя.

Рассмотрим системообразующую роль юридических фактов. Первейшим объектом изучения теории юридических фактов изначально был и остается отдельный юридический факт. Тем самым игнорируются механизмы, выстраивающие

факты в ту или иную систему. Поэтому, находясь в рамках такого понимания, историография настойчиво отрицала какую-либо систематизацию юридических фактов в римском праве: «В римском праве нет упорядоченности в регламентации юридических фактов, надо сказать, как и в современной кодификации, – это дело современной теории» [6, с.497]. В этом заключается равно как ценность, так и ограниченность теории юридических фактов.

Однако этот подход неприемлем, поскольку «общественные отношения объективируются в праве не непосредственно, а системно» [7, с.168]. Поэтому под влиянием в первую очередь кибернетики в современной теории юридических фактов новым объектом изучения все чаще рассматриваются большие фактические системы. Они систематизируют юридические факты в масштабе нормативного акта, правового института, всей правовой системы за определенный временной период [8, с.304–307]. По аналогии с теорией хаоса в физике, в таком понимании юридические факты обладают признаками потока, где любой юридический факт есть совокупность фактов более низкого уровня, происходящих неоднократно с определенной интенсивностью, пока условия остаются неизменными [9, с.72, 76–78]. Наличие взаимосвязей (генетических, функциональных, координационных и др.) и системообразующих факторов придают, казалось бы, разрозненным юридическим фактам низшего порядка высшую упорядоченность. В связи с этим каждый из огромного числа фактов больших фактических общностей (юридических фактов, групп фактов) органично включается в единый порядок. С течением времени, со сменой параметров, формирующих систему, производится пересортировка фактов: в правовой оборот вводятся новые факты, другие выводятся, изменяется их оценка, связи между фактами.

Фактические системы определены и имеют четкие пределы. Юридические факты действуют во времени и пространстве, а также по кругу лиц. Фактические системы относительно замкнуты, так как включают факты, прямо предусмотренные правовыми нормами или же допускаемые ими (расширительное понимание юридических фактов), и только в пределах предмета правового регулирования. Иски, составленные по факту и прямо не предусмотренные правовыми нормами, допустимость решения спора по справедливости, а не по праву, свидетельствуют о расширительном понимании правовой системы и юридических фактов в Древнем Риме.

Сущность системообразующей роли юридических фактов заключается в следующем. Глобальная фактическая система, например, римского права состоит из отдельных атомов – юридических фактов. Каждый факт является носителем

характеристик большой фактической системы, ее мини-моделью. Поэтому признаки юридических фактов соответствуют характеристикам римского права. Юридические факты не существуют отдельно друг от друга, а по определенным критериям выстраиваются в фактические системы более высокого порядка. В рамках единого правопорядка фактические системы множественны, но целостны, непротиворечивы внутри и взаимосогласованы с глобальной фактической системой. Так, римскому праву известны крупные фактические системы типа правовых институтов или режимов, множественность которых не допускает, однако, противоречивости фактической системы римского права или коллизий правовых фактов разных режимов (оспоримости), подобно современному праву. Просто разные факты получают разную «прописку» и урегулированность, исключаящую противоречие.

Каждая система права обладает своей «целостной и непротиворечивой системой фактов», за которыми она признает право на движение правоотношения [10, с.175–179]. Непротиворечивость правовой системы обеспечена иерархией норм и источников, их содержащих. Последнее подтверждает силу и уверенность римской культуры, способной «переварить», органически «вписать» множество заимствований в свою систему, сохранив ее характеристики [11, с.301]. Фактическая система подбирает по своим критериям «подходящие факты». По нашему мнению, оценочным критерием такого подбора, пропуском в глобальную фактическую систему права, параметром ее развития выступают правопонимание и признаки юридического факта. Поэтому само понятие юридических фактов выступает одним из системообразующих в праве.

Вследствие этого можно утверждать об ошибочности господствующего мнения об «отсутствии понимания системы и взаимосвязи юридических фактов» в Древнем Риме [12, с.10] или о том, что «в римском праве нет упорядоченности в регламентации юридических фактов» [6, с.497]. По нашему мнению, римское право имело четкую систему фактов. В первую очередь, это – классификация исков, сделок и деликтов. Последние исследования законов XII таблиц вопреки устоявшемуся мнению также выявили их системный характер. Л.Л. Кофанов указывает на «ошибочное мнение, что этот архаический свод был лишен какой бы то ни было системы» [11, с.306] и пишет: «Конечно, всякое очередное хаотичное накопление новых правовых норм и казусов вновь ставило задачу их систематизации, но римляне, будучи хорошо знакомы с системными принципами, рано или поздно, но всегда справлялись с этой задачей» [11, с.308]. Поэтому не зря Цицерон восхищался системностью римского права (Cic., De orat.,1,44).

Система понятий теории юридических фактов и система фактов различаются. Оба понятия отличаются по уровню обобщенности. Первая система близка к понятию классификации, охватывая факты низшего и более высокого уровня абстрактности, систематизирует по степени обобщенности разнопорядковые понятия, относящиеся к делению юридических фактов по критерию воли и категориальному аппарату теории юридических фактов. Система фактов упорядочивает конкретные, равнозначно оцениваемые факты в рамках большой фактической системы права, единого правопорядка.

В римском праве была развита вторая и формировалась первая. Ошибкой является утверждение об отсутствии системы понятий теории юридических фактов только на том основании, что она отлична от современной. Если в современном праве в силу развитости правовой науки эти понятия почти совпадают, то в римском праве имела развитая система юридических фактов и развивающаяся на уровне концепций система понятий теории юридических фактов, когда категории еще отсутствовали.

Таким образом, исследование системообразующей роли юридических фактов направлено на выявление закономерностей, управляющих целым потоком, и представляется перспективным. Они, как ни какой другой объект исследования в теории юридических фактов, позволяют не только изучить единичный «атом» правового поля (факт), а в более системном виде – выявить связь «факт – следствие», но и прогнозировать развитие фактических систем и в перспективе управлять ими на уровне системы. Имеется в виду отказ от «точечного регулирования» и выход на более высокий уровень, менее детализированный, а значит, менее коллизионный, более стабильный и доступный для применения широких слоев правопользователей.

Суть правообразующей роли юридических фактов особенно хорошо заметна на примере римского права и заключается в следующем. В Древнем Риме осознание природы и признаков юридических фактов шло в русле формирования права как самодостаточного явления, т.е. отделения права от других социальных регуляторов. Повторим, что каждый юридический факт является носителем характеристик большой фактической системы, ее мини-моделью. Поэтому признаки юридических фактов соответствуют характеристикам римского права. В римском праве юридические факты обладают всеми признаками, известными современной теории права. Индивидуальность римского правопорядка обуславливают дополнительные признаки: слабая дифференцированность правовых норм и от моральных и религиозных норм и фактов и, как следствие, двойная защита правомерных юридических фактов (со

стороны права и морали), а также четкое отличие от иных жизненных фактов.

Первая особенность указывает на то, что в Древнем Риме прежде чем факт будет причислен к виду правовых, он должен соответствовать морали. В противном случае факт сразу становился враждебным римскому правопорядку, но сохранял свою значимость для права. Эта двойная защита факта была призвана укреплять римский правопорядок на пути формирования самостоятельности права. Слабая дифференцированность правовых норм и фактов от моральных и религиозных норм и фактов, подкрепляющих право в Древнем Риме, и четкое отличие от иных жизненных фактов говорит об осознании природы правовых фактов, об уточнении границ правовой системы и единстве всей системы социальной регуляции, где право еще не являлось доминантным регулятором, как сейчас. На этапе становления право активно использовало более древние и признанные в обществе авторитеты.

В правовой литературе говорится о «позднем появлении понятия правовых фактов в юриспруденции» (в начале XIX в.), которое, среди прочих причин, В.А. Витушко объясняет «формированием представлений о праве как об особом социальном феномене и как об объекте правоотношений; формированием науки (теории) о праве как особом социальном знании, отличном от морали, философии и других регулятивных систем и наук» к тому времени в науке и праве [13, с.4]. Это верно с той оговоркой, что данный момент начинает проявляться уже в римской эпохе.

Обособление права от иных социальных регуляторов заметно через акцентированное внимание римских юристов на противопоставлении «facto-ius», то есть социального и юридического фактов, юридического факта и иного, фактической и юридической стороны правового факта (D.50,17,24; D.33,7,20,9,3); D.22,6; D.33,1,13,1,4; D.41,2,1,3). Иногда они не противопоставляются: в фактическом (не правовом) отношении владения («res facti», а не «res iuris» – D.41,2,1,3); в правильном браке фактическое намерение дополняет юридические элементы. С учетом изложенного

полагаем, что фактическое обособляется от юридического, а не противопоставляется ему, как можно думать, означая разные стороны одной юридической материи. И то, что факт владения защищается судом как обычный правовой факт, указывает на расширительное понимание юридического факта у римлян, а не на то, что «защищаться судом в качестве нормального института может и не юридическое отношение» [14, с.347].

Юрископсулты имели доступ к формированию системы фактов, признанных правом Древнего Рима. Они могли менять фактическую систему римского права постепенно, не расширяя пределы правового поля, опосредованно, не путем издания новых правовых норм, а через толкование, обязательное для суда и перерастающее со временем в правовую норму.

Из чего можно сделать вывод, что показателем эффективности правового регулирования выступает не объемность фактической системы, как результат узкого понимания юридических фактов, требующего их прямой фиксации, а способность фактической системы урегулировать общественные отношения. Расширительное понимание юридических фактов способно придать большую эффективность правовой системе, не загромождая правовое регулирование чрезмерной детализацией, т.е. сохраняя фактическую систему компактной и гибкой. Статья 7 ГК Республики Беларусь этому способствует. Поэтому традиционное мнение, что усложнение общественных отношений требует обязательно усложнения правового регулирования, представляется ошибочным и даже вредным в стратегии эффективного правового регулирования, поскольку любой социальный институт, в том числе право, должен работать как редуктор сложности общественных отношений. В этом суть социального прогресса.

Таким образом, в качестве общего вывода отметим, что у юридических фактов, помимо признанной в правовой науке функции по производству правового эффекта и движению правоотношения, выявлены также системообразующая и правообразующая функции, исследование которых обладает потенциалом повышения эффективности правового регулирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Общая теория государства и права : академич. курс : в 3 т. – 2-е изд., перераб. и доп. / Н.Н. Вопленко [и др.] ; отв. ред. М.Н. Марченко. – М. : ИКД «Зерцало-М», 2001. – Т. 2. – 528 с.
2. Барон, Ю. Система римского гражданского права : в 6 кн. / Предисловие к.ю.н. В.В. Байбака, Ю. Барон. – СПб. : издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. – 1102 с.
3. Дробязко, С.Г. Общая теория права : учеб. пособие / С.Г. Дробязко, В.С. Козлов. – Минск : НО ООО «БИП-С», 2003.

4. Burdese, A. Fatti giuridici / A. Burdese // *Manuale di diritto privato romano*. – 4 ed. – Torino : UTET, 1993. – Сар. 5. – Р. 181–219.
5. Суханов, Е.А. Влияние римского права на новый Гражданский кодекс Российской Федерации / Е.А. Суханов, Л.Л. Кофанов // *Ius antiquum. Древнее право*. – 1999. – №1. – С. 7–21.
6. Pastori, F. Gli istituti romanistici come storia e vita del diritto / F. Pastori. – Milano : Cisalpino – Goliardica, 1988. – 2 ed. – 721 p.
7. Теория государства и права : учеб. пособие / под ред. В.П. Малахова, В.Н. Казакова; Моск. ун-т МВД России. – М.: Академич. проект, Екатеринбург : Деловая книга, 2002. – 576 с.
8. Трубецкой, Е.Н. Энциклопедия права : доп. учеб. пособие / Е.Н. Трубецкой ; С.-Петербург. гос. ун-т. – СПб. : Лань, 1999. – 224 с.
9. Ветютнев, Ю.Ю. О правовой случайности и правовом хаосе / Ю.Ю. Ветютнев // *Журн. российск. права*. – 2003. – №7. – С. 72–78.
10. Егоров, С.Н. Аксиоматические основы теории права / С.Н. Егоров. – СПб. : Лексикон, 2001. – 272 с.
11. Кофанов, Л.Л. Формирование системы римского права / Л.Л. Кофанов // *Жреческие коллегии в Раннем Риме. К вопросу о становлении римского сакрального и публичного права* / отв. ред. Л.Л. Кофанов. – М. : Наука, 2001. – Гл. 10. – С. 299–308.
12. Витушко, В.А. Курс гражданского права. Общая часть : науч.-практич. пособие : в 5 т. / В.А. Витушко. – Минск : БГЭУ, 2002. – Т. 2. – 717 с.
13. Витушко, В.А. Континуальная теория юридических фактов / В.А. Витушко // *Проблемы правового регулирования хозяйственной деятельности экономики переходного периода : материалы науч.-практ. конф., Минск, 18 дек. 2001 г.* / Белорус. гос. экон. ун-т ; редкол. : Н.Е. Заяц [и др.]. – Минск, 2002. – С. 3–9.
14. Муромцев, С.А. Избранные труды по римскому и гражданскому праву / С.А. Муромцев. – М. : АО «Центр ЮрИнфоР», 2004. – 765 с.